

Жили-были дед да баба, а у них были две внучки-сиротки — такие хорошенькие да смирные, что дед с бабушкой не могли ими нарадоваться. Вот раз дед вздумал посеять горох; посеял — вырос горох, зацвел. Дед глядит на него, да и думает: «Теперь буду целую зиму есть пироги с горохом».

Как назло деду, воробьи и напали на горох. Дед видит, что худо, и послал младшую внучку прогонять воробьев. Внучка села возле гороха, машет хворостиной да приговаривает: — Кишь, кишь, воробьи! Не ешьте дедова гороху!

Только слышит: в лесу шумит, трещит — идет Верлиока, ростом высокий, об

одном глазе, нос крючком, борода клочком, усы в пол-аршина [Аршин — старинная мера длины чуть больше 70 см], на голове щетина, на одной ноге — в деревянном сапоге, костылем подпирается, сам страшно ухмыляется.

У Верлиоки была уже такая натура: завидит человека, да еще смирного, не утерпит, чтобы дружбу не показать, бока не поломать; не было спуска от него ни старому, ни малому, ни тихому, ни удалому. Увидел Верлиока дедову внучку — такая хорошенькая, ну как не затрогать ее? Да той, видно, не понравились его игрушки: может быть, и обругала его — не знаю; только Верлиока сразу убил ее костылем.

Дед ждал-ждал — нет внучки, послал за нею старшую. Верлиока и ту прибрал.

Дед ждет-пождет — и той нет! — и говорит жене:

— Да что они там опозднились [опоздать]? Пожалуй, с парубками [парни] развозились, как трещотки трещат, а воробьи горох лущат. Иди-ка ты, старуха, да скорей тащи их за ухо.

Старуха с печки сползла, в углу палочку взяла, за порог перевалилась, да и домой не воротилась. Вестимо, как увидела внучек да потом Верлиоку, догадалась, что это его работа; с жалости так и вцепилась ему в волосы. А нашему забияке то и на руку...

Дед ждет внучек да старуху — не дождется; нет как нет! Дед и говорит сам себе:

— Да что за лукавый! Не приглянулся ли и жене парень чернявый? Сказано: от нашего ребра не ждать нам добра; а баба все баба, хоть и стара!

Вот так мудро размысливши, встал он из-за стола, надел шубку, закурил трубку, помолился Богу, да и поплелся в дорогу.

Приходит к гороху, глядит: лежат его ненаглядные внучки — точно спят; только у одной кровь, как та алая лента, полосой на лбу видна, а у другой на белой шейке пять синих пальцев так и оттиснулись. А старуха так изувечена, что и узнать нельзя. Дед зарыдал не на шутку, целовал их, миловал да слезно приговаривал.

И долго бы проплакал, да слышит: в лесу шумит, трещит — идет Верлиока, ростом высокий, об одном глазе, нос крючком, борода клочком, усы в пол-аршина, на голове щетина, на одной ноге — в деревянном сапоге, костылем подпирается, сам страшно ухмыляется. Схватил деда и давай бить; насилиу бедный вырвался да убежал домой.

Прибежал, сел на лавку, отдохнул и говорит:

— Эге, над нами строить штуки! Постой, брат, у самих есть руки... Языком хоть что рассуждай, а рукам воли не давай. Мы и сами с усами! Задел рукой, поплатишься головой. Видно тебя, Верлиока, не учили сызмала пословице: делай добро — не кайся, а делай зло — сподевайся [ждать

расплаты.])! Взял лычко, отдай ремешок!

Долго рассуждал дед сам с собою, а, наконец, наговорившись досыта, взял железный костыль и отправился бить Верлиоку.

Идет-идет и видит ставок [пруд], а на ставке сидит куцый селезень. Увидел деда селезень и кричит:

— Так, так, так! Ведь я угадал, что тебя сюда поджидал. Здоров, дед, на сто лет!

— Здорово, селезень! Отчего же ты меня поджидал?

— Да знал, что ты за старуху да за внучек пойдешь к Верлиоке на расправу.

— А тебе кто сказал?

— Кума сказала.

— А кума почему знает?

— Кума все знает, что на свете делается; да другой раз еще дело и не сделалось, а кума куме уж о том на ухо шепчет, а нашепчутся две кумы — весь мир узнает.

— Смотри, какое диво! — говорит дед.

— Не диво, а правда! Да такая правда, что бывает не только с нашим братом, а водится и промеж старшими.

— Вот что! — молвил дед и рот разинул; а потом, опомнившись, снял шапку, поклонился куцему селезню и говорит: — А вы, добродее [сударь], знаете Верлиоку?

— Как, как, как не знать! Знаю я его, кривого.

Селезень поворотил голову на сторону (сбоку они лучше видят), прищурил глаз, поглядел на деда, да и говорит:

— Эге! С кем не случается беда? Век живи, век учись, а все дурнем умрешь. Так, так, так!

Поправил крылья, повертел задом и стал учить деда:

— Слушай, дедушка, да учись, как на свете жить! Раз как-то вот тут на берегу начал Верлиока бить какого-то горемыку. А в те поры была у меня за каждым словом поговорка: ах, ах, ах! Верлиока потешается, а я сижу в воде, да так себе и кричу: ах, ах, ах!.. Вот он, управившись по-своему с горемыкою, подбежал ко мне да, не говоря худого слова, хватить меня за хвост! Да не на таковского напал, только хвост у него в руках остался. Оно хоть хвост и невелик, а все-таки жаль его... Кому свое добро не дорого? Говорят же: всякой птице свой хвост ближе к телу. Верлиока пошел домой, да и говорит дорогою: «Постой же! Научу я тебя, как за других заступаться». Вот я и взялся за ум и с той поры — кто бы что ни делал, не кричу: ах, ах, ах! — а все придакиваю: так, так, так! Что же? И житье стало лучше, и почету от людей больше. Все говорят: «Вот селезень — хоть куцый, да умный!»

— Так не можешь ли ты, добродее, показать мне, где живет Верлиока?

— Так, так, так!

Селезень вылез из воды и, переваливаясь с боку на бок, словно купчиха, пошел по берегу, а дед за ним.

Идут-идут, а на дороге лежит бечевочка [веревочка] и говорит:

— Здравствуй, дедушка, умная головушка!

— Здравствуй, бечевочка!

— Как живешь? Куда идешь?

— Живу и так и сяк; а иду к Верлиоке на расправу; старуху задушил, двух внучек убил, а внучки были такие хорошие — на славу!

— Я твоих внучек знала, старуху поважала [уважать, почитать.]; возьми и меня на подмогу!

Дед подумал: «Может, пригодится связать Верлиоку!» — и отвечал:

— Полезай, когда знаешь дорогу.

Вевочка и поползла за ними, словно змея.

Идут-идут, на дороге лежит колотушка, да и говорит:

— Здравствуй, дедушка, умная головушка!

— Здравствуй, колотушка!

— Как живешь? Куда идешь?

— Живу и так и сяк; а иду к Верлиоке на расправу. Подумай: старуху задушил, двух внучек убил, а внучки были на славу.

— Возьми меня на подмогу!

— Ступай, когда знаешь дорогу.

А сам думает: «Колотушка и впрямь поможет».

Колотушка поднялась, уперлась ручкой о землю и прыгнула.

Пошли опять. Идут-идут, а на дороге лежит желудь и пищит:

— Здравствуй, дед долгоногий!

— Здравствуй, желудь дубовый!

— Куда это так шагаешь?

— Иду Верлиоку бить, когда его знаешь.

— Как не знать! Пора уж с ним расплатиться; возьми и меня на подмогу.

— Да чем ты поможешь?

— Не плюй, дед, в колодезь — достанется водицы напиться; синица не велика птица, да все поле спалила. А еще говорят: мал золотник, да дорог; велика Федора, да дура!

Дед подумал: «А пускай его! Чем больше народу, тем лучше», — и говорит:

— Плетись позади!

Какое — плетись! Желудь так и скачет впереди всех.

Вот и пришли они в густой, дремучий лес, а в том лесу стоит избушка. Глядят — в избушке никого нет. Огонь давно погас, а на шестке стоит кулиш [пшенная каша.]. Желудь не промах — вскочил в кулиш, веревочка растянулась на пороге, колотушку положил дед на полку, селезня посадил на печку, а сам стал за дверью.

Пришел Верлиока, кинул дрова на землю и стал поправлять в печке. Желудь, сидя в кулише, затянул песню:

— Пи... пи... пи! Пришли Верлиоку бить!

— Цыц, кулиш! В ведро вылью, — крикнул Верлиока.

А желудь не слушает его, знай свое пищит. Верлиока рассердился, схватил горшок да бух кулиш в ведро. Желудь как выскочит из ведра, щелк Верлиоку прямо в глаз, выбил и последний.

Верлиока кинулся было наутек, да не тут-то было — веревочка перецепила его, и Верлиока упал. Колотушка с полки, а дед из-за дверей, и давай его потчевать; а селезень за печкой сидит да приговаривает:

— Так, так, так!

Не помогли Верлиоке ни его сила, ни его отвага. Вот вам сказка, а мне бубликов вязка.

